

В. Г. Арсланов

СУЩЕЕ И НИЧТО

2016-5
1014 э

В. Г. Арсланов

СУЩЕЕ
И НИЧТО

ПОСТМОДЕРНИЗМ
И «TERTIUM DATUR»
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
XX ВЕКА

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2015

Глава первая

ЗАВЯЗКА ФАБУЛЫ

Пролог «на небесах». Спор Ленина с Плехановым по аграрному вопросу в 1905 г.

Ничто не ново под луной. Это так же истинно, как и противоположное утверждение — ничто не повторяется, все однократно и незаменимо, нет ни одной капли воды и ни одного листочка, которые бы копировали другие.

Абсолютное и судьбоносное не приходит в жизнь под звук фанфар, оно часто рождается в хлеву, подобно христианскому Богу, никем не замеченное, кроме настоящих мудрецов, часто тоже никому не известных, а то и оклеветанных.

Спор Ленина с Плехановым по одному пункту аграрной программы партии в 1905 году кажется незначительным эпизодом, разумеется, о нем не упоминается в работах по истории культуры, поскольку к ней этот спор не имеет прямого отношения. Но, будучи эпизодом внутривнутрипартийной борьбы, он одновременно стал частью того, что Д. Вико называл *historia aeterna* (вечная история). Мы увидим, как этот сюжет многократно повторяется на страницах истории России XX века — с различными вариациями и оттенками смысла, вплоть до прямо противоположных.

Речь шла о том, как относиться к лозунгу национализации земли.

Плеханов был противником национализации, Ленин при известных условиях, которые он специально оговаривал, допускал ее возможность. Важнейшее условие — возникновение демократического в полном смысле слова государства. Если бы в результате революции сложилось не демократическое, а, например, бонапартистское государство, «национализация», — писал Ленин, — могла бы повредить пролетариату и крестьянст-

ву».¹ В этом пункте были согласны все марксисты и социал-демократы. Национализация земли при сохранении господства над крестьянином бюрократической власти была бы прямой дорогой к недемократическому, коррумпированному, как ныне говорят, государству. Ни о каком серьезном социально-экономическом прогрессе в этом случае не могло быть речи.

«...Позиция социал-демократов в аграрном вопросе, — писал Ленин в разгар первой русской революции — может быть в настоящее время, когда дело идет о доведении демократического переворота до конца, лишь следующая: против помещичьей собственности за крестьянскую собственность при существовании частной собственности на землю вообще. Против частной собственности на землю за национализацию земли *при определенных политических условиях*».² Итак, социал-демократия должна бороться за буржуазную собственность на землю против собственности помещичьей, и в том случае, если побеждает демократия и создается государство демократическое, по типу американского (на что неоднократно указывал Ленин), если власть бюрократии сводится до минимума и государство оказывается под эффективным контролем снизу, со стороны организованного народа, гражданского общества — тогда возможна и прогрессивна национализация земли. «Мы должны, — писал Ленин, — со всей ответственностью и решительностью сказать крестьянину, что национализация земли есть мера буржуазная, что она полезна *лишь* при определенных политических условиях, но выступать с *голым* отрицанием этой меры вообще нам, социалистам, перед крестьянской массой было бы близорукой политикой. И не только близорукой политикой, но и теоретическим искажением марксизма, который установил с полнейшей определенностью, что национализация земли возможна, мыслима и в буржуазном обществе, что она не задержит, а усилит развитие капитализма, что она есть *максимум* буржуазно-демократических реформ в области аграрных отношений».³

С последним положением никто из марксистов не спорил, в том числе и Плеханов. Разногласия возникли по другому вопросу, на первый взгляд сугубо частному.

Российское крестьянство уже в период первой русской революции выступало с лозунгом «Земля ничья, земля божья»,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. С. 268.

² Там же. С. 254.

³ Там же. С. 253—254.

что означало на экономическом языке национализацию земли. Крестьяне боялись свободной купли-продажи земли, поскольку она могла попасть в руки толстосумов, а большинству бедных крестьян пришлось бы брать ее в аренду со всеми вытекающими последствиями. Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, — говорили многие крестьяне, а свободная продажа земель сосредоточивала их в руках тех, кто имеет капитал.

Плеханов доказывает, что ничего демократического и прогрессивного нет в крестьянском требовании национализации земли. Когда крестьяне выступают за частную собственность на землю — они революционны, они способствуют разрушению старой государственно-бюрократической машины и остатков феодализма. Эти требования социал-демократия должна поддерживать. А идея национализации земли отражает только отсталые, консервативные взгляды и настроения, закрепляющие отжившие порядки.

«Раздел [земель. — В. А.] имел бы бесспорно много неудобств с нашей точки зрения. Но в сравнении с национализацией, — утверждал Плеханов, — у него было бы то бесспорное преимущество, что он нанес бы окончательный удар тому нашему старому порядку, при котором и земля, и землевладелец составляли собственность государства и который представляет собой не что иное, как московское издание экономического порядка, лежащего в основе всех великих восточных деспотий. А национализация земли являлась бы попыткой реставрировать у нас этот порядок, получивший несколько серьезных ударов уже в XVIII веке, и довольно сильно расшатанный ходом экономического развития в течение второй половины XIX столетия».¹

Плеханов, разумеется, не хуже Ленина знает, что при развитии капиталистическом строе и демократическом государстве национализация земли есть чисто буржуазное мероприятие, существенно ускоряющее социально-экономический прогресс. Но совсем другую роль и смысл имеет национализация земель в условиях восточных деспотий или схожих с ними социально-экономических укладов. Плеханов ссылается на пример китайских реформаторов XI века, которые национализировали землю и создали некий вариант азиатского коммунизма, который окончательно закрепостил крестьян, сделал их бесправными и неимущими.

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XV. М.; Л., 1926. С. 31.

Надо признать, продолжает Плеханов, «что в аграрной истории Московской Руси было, к сожалению, слишком много китайщины. Под влиянием многих неблагоприятных исторических условий, — в числе которых экономическая отсталость этой части России и монгольское иго играли не последнюю роль, — право собственности на землю из рук *землевладельцев* постепенно перешло к великому князю, — впоследствии к царю, — который и стал распоряжаться ею как фондом для удовлетворения потребностей государства. <...> И вот русское государство постепенно сделалось тем Левиафаном, о котором мечтал Томас Гоббс и который наделяет каждого участком земли, смотря по его занятию и положению. Вряд ли нужно указывать здесь на то, что наша пресловутая сельская община с переделами возникла как естественный плод закрепощения государству земли и земледельца».¹

Современный уклад жизни, считает Плеханов, далеко опередил образ мысли крестьянина. Крестьянские понятия о справедливости, о том, что земля никому не должна принадлежать, отражают его отсталость, инстинктивное тяготение к азиатскому деспотизму, к «китайщине», которую Герцен в свое время называл «царским коммунизмом», «казачьим коммунизмом». Разумеется, коммунизм восточных деспотий несравненно хуже современного буржуазного общества, даже если оно управляется не демократическим (американским), а прусским, или бонапартистским, государством. Последняя истина для всех социал-демократов, в том числе и для Ленина, была аксиомой.

«Нам не нужно китайщины, — заключает Плеханов, — Поэтому мы поддерживаем крестьянское движение *только* в той мере, в какой оно разрушает старое, а не в той мере, в какой оно стремится восстановить нечто такое, в сравнении с чем это старое кажется новым и прогрессивным явлением».²

Трудно найти слова, которые с большим правом претендовали бы на пророчество, чем процитированные выше. В 1917 и последующих годах Ленин осуществил национализацию земли. Затем, уже в конце жизни, он обнаружил, что «государство нам чужое», что повсюду, практически на всех должностях этого так называемого «пролетарского» государства сидит, по выражению Ленина, «подлец» и «насильник», «каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, — продолжает он, — что ни-

¹ Там же. С. 33—34.

² Там же. С. 36.

чтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке».¹

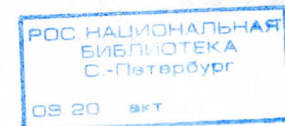
Сталинский режим довел бюрократический государственный аппарат до высшего, можно сказать классического, совершенства. Что же удивительного в том, что ленинская национализация земли позволила бюрократии провести насильственную коллективизацию, которая практически возродила крепостное право в деревне? И появилось нечто такое, в сравнении с чем, говоря словами Плеханова, «старое», то есть царская Россия накануне революции, «кажется новым и прогрессивным явлением». Во всяком случае Россия начала XX века двигалась в сторону буржуазных реформ, а к середине века она оказалась отброшенной в век XI — к «китайскому» коммунизму, варианту азиатского деспотизма.

Так замкнулся порочный круг. Ленин, кажется, искренне и страстно боролся за самый демократический вариант капитализма, за американский, а не прусский (то есть бонапартистский) путь его развития, а в результате своих усилий — причем, совершенно неизбежно — получил неожиданное и грозное возрождение азиатского деспотизма. Могло ли возникнуть что-либо другое при национализации земли в условиях бюрократизированного государства наверху и очень активного крестьянского беднячества внизу, которое было пропитано супер-уравнительными настроениями, глубоко реакционными, как показывает Плеханов? В уравнительных настроениях, доказывает он, не было ничего по настоящему революционного, напротив, оно глубоко консервативно — оно создано «не революционерами, а „историей государства российского“».² Когда на крестьянских съездах, продолжает Плеханов, «большинство депутатов так легко соглашались с тем, что помещикам не надо давать выкупа за землю, то это объясняется тем крестьянским убеждением, что земля была получена помещиками от государства: „Даром получил, даром и отдать должен“, говорил смоленский делегат. Но в высшей степени замечательно, что крестьяне Донской области высказались за выкуп, „боясь за свои выкупленные земли“. В этой области в крестьянском быту гораздо более сильны новые, буржуазные влияния».³

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 357.

² Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XV. С. 35.

³ Там же.

Так на кого же должна делать ставку революционная партия, желающая социально-экономического прогресса для страны, — на бедного смоленского крестьянина, требующего национализации, или на крепкого хозяина донской области, который предпочитает куплю-продажу земли, а не национализацию ее? Будущее, кажется, сделало этот вопрос риторическим.

Но послушаем аргументы Ленина. Он тоже, как и Плеханов, разделяет ту «бесспорно правильную мысль, что требование национализации земли далеко не везде и вовсе не всегда революционно».¹ Он соглашается и с тем, «что в буржуазном обществе класс мелких собственников, *при известных условиях*, является более прочным оплотом демократии, чем класс арендаторов, зависимых от полицейски-классового, хотя бы и конституционного, государства».²

Все это так, все это бесспорно, азбука марксизма и социал-демократии. И все же... «...Идея общенародной собственности на землю чрезвычайно широко бродит теперь в крестьянстве, это не может подлежать ни малейшему сомнению, — констатирует Ленин. — И несомненно также, что, несмотря на всю темноту крестьянства, несмотря на все реакционно-утопические элементы его пожеланий, эта идея, в общем и целом, носит революционно-демократический характер».³

Вот центральный пункт расхождения Ленина с Плехановым. И не только с Плехановым, но и с меньшевиками, кадетами, крупными деятелями культуры, включая Короленко и Горького. Все они считали, что крестьянство реакционно, а в особенности беднейшее — с его грубо-уравнительными устремлениями. В «Несвоевременных мыслях» Горький, как известно, предрекал, что темное и необразованное, жадное крестьянство, выпущенное на свободу Октябрьским переворотом, пожрет, как фантастические анаконды из повести М. Булгакова, интеллигенцию, в том числе и в первую даже очередь революционную интеллигенцию, растопчет культуру и цивилизацию.

Ленин взял себе в союзники только одного писателя. Не близкого большевикам Горького, не прогрессивно и демократически настроенного Короленко, а явного консерватора, в некоторых вопросах (таких как эмансипация женщины, отношение к высоко-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. С. 252.

² Там же. С. 251.

³ Там же. С. 253.

му аристократическому искусству) — даже реакционера. Этим писателем был Лев Толстой.

Реакционность позиции Толстого по некоторым важнейшим проблемам для Ленина — вне всякого сомнения. Но откуда в его творчестве та поразительная честность, которая произвела необыкновенное впечатление на весь мир? Не та субъективная честность-пожелание, которая при столкновении с грязной действительностью оборачивается отступничеством, предательством, сдачей позиции или позой «порядочного человека», искреннего лжеца. А та честность, которая есть прежде всего дело, и обнаруживается она в художественных образах, раскрывающих самые глубинные движения души в их *истине* — каковы они на самом деле, а не только в воображении субъекта.

Откуда эта беспримерная страсть и способность дойти до самой сути? Оно питается, по мысли Ленина, крестьянским стремлением «смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян...».¹

Какова природа, социальная сущность этого неудержимого напора крестьянства? Ленин полагал, что она имеет буржуазно-демократический характер. Ничего социалистического в крестьянском движении нет и быть не может — такова основная идея, которую он вместе с Плехановым отстаивал против народников. Ибо попытка построить социализм в России конца XIX — начала XX века, минуя неизбежный этап буржуазно-демократических преобразований, — глубоко реакционна, она может привести только к реставрации отживших порядков, «царского коммунизма».

По этой же причине социализм Толстого, пишет Ленин, реакционен, несмотря на то, что в целом его творчество прогрессивно, выражает объективную правду реальности. «Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской *буржуазной* революции».² Ленин полагал, что в ходе этой революции, при условии ее победы сложится буржуазно-демократическое общество американского образца и крестьянство скоро забудет о своих «социалистических», уравнительных иллюзиях.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 17. С. 211.

² Там же. С. 210.

Они — лишь обратная сторона тех гор «ненависти, злобы и отчаянной решительности», которые накопились за века рабства и бесправия.

Таким образом, задача заключалась в том, чтобы освободить крестьянство от реакционных «социалистических» иллюзий и направить скрытую за ними социальную демократическую энергию в русло буржуазно-демократический преобразований. Форма реакционная, а содержание демократическое.

Мысль Плеханова была совершенно иной. Крестьянские «социалистические» настроения, уравнительность, требования национализации земли реакционны и по форме, и по содержанию — за ними скрывается только наша старая азиатчина, восточный деспотизм. «На одном из крестьянских съездов смоленский депутат говорил: „Цари присвоили себе общественную землю и раздали ее приближенным“. Что же нужно? *Отобрать землю у „приближенных“*. Больше этого съезды по существу не сказали *ничего*. Вслед за этим в их решениях начинается область, в которой господствует утопия, тоже выросшая, впрочем, на почве воспоминаний о нашем старом экономическом быте: каждый получает столько земли, сколько ему нужно и т. п. Но ведь и китайские общественные перевороты состояли в том, что земли отбирались у „приближенных“ и возвращались Левиафану — государству, после чего начиналась старая история, плодившая новых „приближенных“, вызывавшая новые перевороты, возрождавшая старую китайщину. Нам не нужно китайщины».¹

В ответ на рассуждения Плеханова Ленин ограничился подстрочным замечанием: «Товарищ Плеханов в № 5 „Дневника“ предостерегает Россию от повторения опытов Ван Ган-че (китайский преобразователь XI века, неудачно введший национализацию земли) и старается доказать, что крестьянская идея национализации земли реакционна по своему происхождению. Натянутость этой аргументации бьет в глаза. Поистине qui prouve trop, ne prouve rien (кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает). Если бы Россию XX века можно было сравнить с Китаем XI века, тогда мы с Плехановым, наверное, не говорили бы ни о революционно-демократическом характере крестьянского движения, ни о капитализме в России. Что же касается до реакционного происхождения (или характера) крестьянской идеи национализации земли, то ведь и в идее черного передела

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XV. С. 36.

есть несомненнейшие черты не только реакционного происхождения, но и реакционного характера ее в настоящее время. Реакционные элементы есть во всем крестьянском движении и во всей *крестьянской* идеологии, но это нисколько не опровергает общего революционно-демократического характера всего этого движения в целом. Поэтому свое положение (о невозможности для социал-демократов выдвигать требование национализации земли при определенных политических условиях) Плеханов не только ничем не доказал, но даже особенно ослабил своей утрированно-натянутой аргументацией».¹

Для Плеханова крестьянство сможет сыграть прогрессивную роль только в том случае, если оно поддерживает буржуазно-демократическую революцию и не выходит за ее пределы. В сущности, на уровне общих формулировок это же говорит и Ленин. Расхождение между ними в понимании крестьянского требования национализации земли: для Плеханова оно только реакционно, и по форме и по содержанию, для Ленина — реакционно по форме, прогрессивно по содержанию.

Плеханов видит в этом требовании уравнительность, скрывающую азиатскую покорность царю, богу, вообще высшей власти, в дела которой крестьянин не может и не хочет вмешиваться. Для Ленина, напротив, требование национализации земли в конкретных условиях начала XX века есть свидетельство колоссальных *демократических*, глубоко прогрессивных потенций российского крестьянства. Крестьянство в своей массе, полагал он, гораздо демократичнее *на деле*, чем другие слои российского населения, за исключением пролетариата. Даже в мужицком черносотенстве он видит не просто демократизм — но демократизм самый глубокий, хотя и самый грубый. Кто не замечает этого глубинного мужицкого демократизма, тот заталкивает вольно или невольно крестьянство в черносотенство.

Откуда же у *российского* крестьянства этот потенциальный, но очень серьезный и могучий демократизм?

Развивая мысль Ленина, на этот вопрос дает ответ Мих. Лифшиц в своих «Лекциях о русской культуре», прочитанных в 1943 году офицерам Военно-морского флота. «Царский коммунизм», или, говоря словами Маркса (сказанными о Средневековье), «демократия несвободы», имеет не только очевидные недостатки, но и определенные преимущества по сравнению даже с самыми передовыми демократиями Запада.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. С. 253.

Сказав это, легко впасть в крайность славянофильства. Задача Лифшица другая — «полнота истины», то есть извлечение истины даже из той позиции, которая в целом является ложной. Ибо, по его мнению, нет «совершенно правых».

В целом западные демократии безусловно прогрессивнее старого московского царства и возникшей на его основании Российской империи. Но преимущество Запада не абсолютно. Западный вариант «свободного общества» основывается на индивидуализме, доходящем в своих крайних проявлениях до такого эгоизма и себялюбия, которые враждебны демократии.

Напротив, придавленность всего населения России под общим прессом самодержавия порождала своеобразное равенство — «демократию несвободы», и оно было неведомо более передовым западным странам.

Это логика по типу «нет худа без добра». «Добром» в российской истории было то, что выросло из «худа», из недостатков и пороков развития.

Плеханов, пишет Мих. Лифшиц, «тоже подчеркивал применительно к Толстому и к идеям русского крестьянства черты некоторой архаичной крестьянской демократии».¹ Но «при общем понимании связи между толстовскими крестьянскими идеями и архаической крестьянской демократией старой России мы видим различную оценку революционного потенциала крестьянства».² Для Плеханова эта архаическая крестьянская демократия — только азиатчина, рудимент восточного деспотизма, и ничего демократического в ней нет.

Бесспорно, считает Лифшиц, реакционное и даже антидемократическое содержание было в этой архаической демократии, она, например, связана с монархической идеей и с идеей Достоевского, славянофилов — «смирись, гордый человек!».

«Но и отрицание этой традиции, — продолжает Лифшиц, — стремление заменить ее абстрактной западноевропейской прогрессивной идеей тоже неправильно. Без всякого сомнения, при всей архаичности этих мотивов, в них содержится нечто более радикально революционное, нежели во всем том, что могло быть перенесено из западноевропейского аграрного быта на Русь. В чем-то были правы здесь славянофилы. <...> Это была идея задавленных тяжелым прессом крепостничества людей, но сохранивших определенные традиции общественной борьбы,

радикальные, последовательные, очень ценные и вместе с тем древние элементы».¹

Крепостное право было гораздо раньше отменено в Европе, чем в России, и это было прогрессом. Однако и прогресс нельзя понимать однобоко, абстрактно. Он тоже имеет свои теневые стороны. Освобожденное от крепостничества крестьянство было охвачено жадной наживы, и борьба за существование в его среде принимала зверские формы. Недаром в Европе очень рано сложилась «сословная тенденциозная поэзия», направленная против крестьянства, — от Нейгардта до Бертраана де Борна, а позднее схожие мотивы прослеживаются у Золя, Мопассана, Бальзака. Ничего подобного не было в классической русской литературе: «мелкособственническое свинство» обнаружилось только в пореформенную эпоху, да и то только у части крестьянства — «колупаевых» и «разуваевых». В целом же в российском крестьянстве «древние элементы» архаической демократии сохранялись очень долго, обуславливая стремление к национализации земли, столь высоко оцененное Лениным.

Выделив эту характерную черту русского крестьянства, отсутствующую у западноевропейского, Лифшиц предостерегает от впадения в крайность, которая была свойственна славянофилам и их последователям. Нельзя забывать, что это добро от худа. Нельзя упускать из виду, что архаическая крестьянская демократия двойственна: наряду с величайшей энергией и решимостью в ней также содержится прямо противоположное — покорность, мягкотелость, неспособность к действенной коллективной защите своих интересов — то, что дало повод Кавелину назвать русский народ «калужским тестом», из которого монархическая власть лепит все, что ей нужно.

Несомненно, эта обратная сторона крестьянской архаической революционности сыграла очень значительную роль в российской истории вообще и в истории XX века в особенности. На этом основании многие авторы полагают, что возникший после Октября и особенно в сталинский период общественный строй был всего лишь новым изданием азиатского деспотизма. Черты последнего, без сомнения, присутствуют в советской общественно-экономической системе. Однако отождествление их совершенно неверно. И дело не только в недооценке «древних элементов» крестьянской демократии. Они ведь были свойственны как раз восточным деспотиям. И как две противоположные стороны

¹ Лифшиц М. А. Очерки русской культуры. М., 1995. С. 57.

² Там же.

¹ Там же. С. 58.

одного явления они порождали определенный цикл, форму движения или, если хотите, порочный круг.

В крестьянском лозунге национализации земли Ленин видел стремление вырваться из порочного круга царской империи, «царского коммунизма». Плеханов, наоборот, опасался, что опора на архаические крестьянские элементы возродит «порочный круг» и на долгие годы законсервирует страну. Только двигаясь по уже проложенному Западом пути, мы можем выйти на столбовую дорожку цивилизации, доказывал он, как, впрочем, и другие марксисты, включая Ленина, в их полемике с народниками.

Ленин и в дальнейшем не отрекался от этой исходной мысли, доказывая, что наилучшим вариантом для России начала века было бы развитие по пути американского демократического капитализма. Однако он очень скоро убедился в том, что *непосредственно* перенесенные с Запада формы на русской почве часто превращаются в свою противоположность, делаются тормозом развития. Так, например, российский либерализм XIX — начала XX веков на самом деле был не свободомыслием, а особым случаем глубоко антидемократического мышления, что прекрасно показали лучшие российские писатели — Тургенев, Достоевский, Толстой и Салтыков-Щедрин. Российский капитал, созревший под крылом царской бюрократии, был также далек от демократических начал жизни, он представлял собой *плутократию*, заинтересованную в сохранении полицейского государства и коррупции.

Разумеется, из этого факта нельзя делать вывода, к которому склонялись реакционные политики и мыслители — от К. Леонтьева до В. Розанова, — что все, перенесенное с Запада, плохо и для России не годится. Просто соединение запада с востоком может принять *две* формы, существенно, вплоть до полной противоположности, различные между собой.

Капитализм на российской почве разделился на плутократический в своей основе капитал и очень революционный рабочий класс, совсем еще недавно вышедший из деревни и сохранявший в немалой степени черты архаической демократии. Если третье сословие в Европе эпохи буржуазных революций противостояло как нечто относительно целое феодальным классам и сословиям, то в России начала века положение существенно изменилось. У крупного российского капиталиста и крупного помещика было больше общего, чем у капиталиста и рабочего, не говоря уже о крестьянстве. Поэтому радикальная буржуазно-демократическая революция в России была возможна лишь в результате со-

юза пролетариата с крестьянством, и она предполагала устранение плутократии, действовавшей заодно с полицейским государством против последовательных демократических преобразований.

Однако при этом вставала задача колоссальной сложности: вырвать революционное крестьянство из порочного круга восточного деспотизма — иначе говоря, так организовать крестьянство, чтобы оно двигалось в последовательно демократическом направлении, а не возвращалось к свойственной ему покорности и разобщенности, время от времени взрываясь «холерным бунтом», ведь на основе и того и другого, и рабской покорности и бессмысленного бунта, вырастает здание монархии.

Решить эту задачу можно только в союзе с Западом — передовой западной культурой, развитыми демократическими формами и традициями. Таким образом, и Ленин, и Плеханов безусловно оба были за соединение Запада и Востока, но формы этого соединения они видели совершенно по-разному.

Одно дело — западничество какого-нибудь тургеневского либерала, презирующего российскую отсталость, а больше всего — русского мужика, единственным языком общения с которым для него является розга. И совсем другое — соединение западных и российских начал в творчестве Пушкина, прекрасно показанное Г. Лукачем на примере «Капитанской дочки», где русский мужик был понят необычайно глубоко и верно не в последнюю очередь потому, что Пушкин многому научился у Вальтера Скотта.

Здесь необходимо остановиться на важном теоретическом, даже логическом моменте. Нет абстрактного соединения, соединения *вообще*, таких противоположностей, как Запад и Восток. Если вы попытаетесь соединить, например, человека и природу так, что отправите первого жить в тайге или посадите в одну клетку с дикими животными, то о действительном синтезе человека и природы речи быть не может. И причина этих уродств — не просто в насильственности такого соединения.

Петр насаждал европейскую цивилизацию в России силой. Но при всем варварстве этого процесса не все в нем было уродливо, были и явные удачи. Когда, например, русские художники пытались просто перенимать формы западного искусства — то получалось, как правило, плохо. Когда в конце XIX века снова стали возрождать древнерусский стиль в архитектуре — результаты были тоже не слишком вдохновляющими. Тогда как лучшие творения русского классицизма XVIII века при всем их западном

происхождении, — бесспорно, шедевры *русского* национального искусства.

Итак, «мы видим, с одной стороны, однобокую подражательность, искусство, чуждое народу, власть, действующую сверху, в форме деспотизма, бюрократии, и вообще всякого рода ответственность и оторванность от народа. Все это формы, высмеиваемые и осужденные нашей великой литературой XIX века, формы, которые бесспорно, несмотря на свою европейскую оболочку, несмотря на свой привозной характер, по сути дела являются другими формами того же азиатского деспотизма. И рядом — те мировые общечеловеческие завоевания, которые были освоены в этот период нашей культурой и которые прочно и навсегда принадлежат народу. Они так же самобытны, как и исходная примитивно-демократическая сторона ее. Наша революция является как раз соединением того прогрессивного, что в конце концов вышло из петровской России, с тем революционным размахом и с той положительной демократической струей, которая проистекает издревле, из глубоких и архаических источников и проходит через всю нашу прежнюю историю».¹

Плеханов не придавал значения раздвоению архаической крестьянской демократии на пассивность и монархический элемент, с одной стороны, а с другой — на такой глубокий и яростный революционный демократизм, который в то время уже невозможно было найти в более прогрессивной Европе. Вернее, для него две стороны архаической демократии составляли единый и *неразрывный* круг. В этой позиции есть свое рациональное зерно: этот круг действительно составлял основу азиатского деспотизма. Но даже на протяжении истории Российской империи этот круг не был абсолютным монолитом, и все лучшее, что было создано в этот период, включая петровские реформы и русскую культуру XIX в., возникло благодаря размыканию круга.

Размыкание круга в свою очередь также создавало два единства, два вида тождества — «дурное» и гармоническое, симфоническое. Самодур с европейскими манерами мог быть хуже старого русского боярина, отвратительнее по причине лицемерия и утонченной жестокости. Такое соединение европейских и азиатских начал — вовсе не размыкание круга, а новое замыкание его. Действительное размыкание предполагает соединение других начал, других противоположностей. По мысли Ленина, это соединение архаической крестьянской демократии с пере-

¹ Лифшиц М. А. Очерки русской культуры. С. 90—91.

довой европейской мыслью и культурой, передовой техникой в практике буржуазно-демократической революции рабочих и крестьян. Но это именно размыкание старого цикла, поскольку оно предполагает отсечение от архаической демократии ее реакционных сторон.

Таким образом, два начала — европейское и российское — раздваиваются. В свою очередь, они образуют и два различных способа соединения, два различных тождества этих начал.

«В чем же главное своеобразие нашей истории? — подводит итог Мих. Лифшиц. — В том, что две противоположные формы соединения Востока и Запада в нашей стране не только развились, но и разошлись наиболее полно. И важна не противоположность Востока и Запада, не противоположность этих двух форм, а их поляризация. Поляризация двух противоположных друг другу лагерей: лагеря рабочего класса и крестьянства на одном полюсе и лагеря помещичье-либерального — на другом.

Следствием крайней поляризации, которая как бы являлась законом нашей истории, было то, что если перед нами прогрессивные явления нашего прошлого, то это явления действительно прогрессивные, удвоенные в своей силе. Если же перед нами явления отрицательные, реакционные, то также удвоенного характера, принадлежавшие к самым темным, самым черным из всех, какие когда-либо были в истории».¹

Логика Ленина в рассмотренном выше споре с Плехановым по аграрному вопросу — и не только в этом споре — послужила для Лифшица основанием его «теории тождеств», которую он разрабатывал на протяжении своей жизни. С этой теорией мы будем знакомиться, рассматривая в книге различные сюжеты, отмеченные явлением чертовщины. Но и «глас божий» тоже не раз звучал в российской истории XX века.

Сейчас же зададимся вопросом — чья позиция, Ленина или Плеханова выглядит предпочтительнее с точки зрения сегодняшнего дня?

На первый взгляд, полностью сбылось пророчество Плеханова: в результате проводимой Лениным политики, национализации земли в условиях государства, оказавшегося, говоря словами Ленина, «нам чужим», Россия оказалась на долгие годы под властью тоталитарного режима, очень напоминающего порядки и нравы азиатского деспотизма. Основанием этой новой формы старой азиатчины было крестьянство, так и не успевшее осво-

¹ Там же. С. 91—92.

бодиться от патриархальных привычек, разрозненное и неспособное к сплоченной защите своих интересов. Эта точка зрения является очень распространенной, в том числе — среди евразийцев. У сторонников этого взгляда оценки меняются от отрицательных до безусловно положительных, но это ничего не меняет по существу дела.

Распространенность такого взгляда на российскую историю XX века сравнима только с прямо ему противоположным, «западническим». Согласно последнему, большевистская революция серьезных предпосылок в истории России не имела и победила благодаря исторической случайности — коварству и демонизму большевиков, которые насильственно сорвали так хорошо и естественно протекавший процесс модернизации страны. Согласно этой точке зрения, архаическая крестьянская революционность была сугубо отрицательной величиной среди составляющих политических сил, и, что самое главное, ее не только нужно было, но и безусловно можно было нейтрализовать. Эта идея в ее упрощенном до вульгарности виде до сих пор гуляет по страницам либеральных изданий. Вульгарной мы ее называем потому, что будучи последовательно проведенной, она возлагает вину за сталинские лагеря на всю русскую культуру XIX века, поскольку несомненно, что эта культура, включая Пушкина, Толстого и Чехова, так или иначе питалась мощными подземными силами архаической российской демократии.

На что же, в таком случае, опираться новой российской демократии? Очевидно, на Фаддея Булгарина и К. Победоносцева.

Поскольку этот вывод представляется неудовлетворительным, то необходимо серьезно разобраться в том, какую роль сыграла архаическая крестьянская демократия в истории России XX века.

И не только России, но и Китая, Кореи, Вьетнама, Кубы...

Ни в одной из этих стран буржуазия не обладала действительно демократическими потенциями. Собственно буржуазные движения, по свидетельству не только большевиков, но и их политических противников — от меньшевиков до сменовеховцев — в России начала XX столетия могли дать только реакционный симбиоз плутократии с царизмом. В то же время крестьянство в своей массе было настроено очень решительно, и те «горы ненависти и злобы», о которых писал Ленин, не были его выдумкой. Усадьбу и библиотеку Блока сожгли до Октябрьской революции — и без всякой агитации большевиков. Размах

движения батьки Махно — а он не был ни за белых, ни за красных — достаточно красноречивое свидетельство объективной крестьянской революционности, многократно усиленной Первой мировой войной.

Куда ударила бы эта волна, столкнувшись с властью российской плутократии, которая не шла на уступки массовым крестьянским требованиям? Как доказывает история, *самостоятельные* крестьянские выступления, крестьянские войны имели главным образом разрушительную направленность и никогда не приводили к установлению прочного демократического строя. Крестьянство всегда нуждалось в союзниках.

В России начала XX века буржуазия вступила в конфликт с объективно демократическими устремлениями крестьянства. Естественным союзником крестьянства, способным помочь ему создать демократический социально-политический уклад по типу американского капитализма, был рабочий класс. Все социал-демократические партии вплоть до апреля 1917 г. были единодушны в том, что намерения народников построить в России социализм реакционны и приведут только к возрождению азиатского деспотизма в том или ином его облики.

Что же изменилось в апреле 1917 г.? Один человек, лидер не самой многочисленной и не самой влиятельной партии, пришел к выводу, что Россия должна начать *мировую* социалистическую революцию, которая может иметь успех только при том условии, если отсталой России помогут строить социализм передовые европейские страны. Почему же этот человек победил, изменив ход мировой истории, хотя поначалу его идея не была поддержана даже собственной партией?

Потому, отвечал на этот вопрос его оппонент Ю. Мартов, что он опирался на *мировой большевизм* — разрушительные инстинкты и действия отчаявшихся и обозленных масс после мировой войны. Поддержка этих масс связала руки мировому капитализму, и он не смог вооруженным путем раздавить советскую Россию. Но после окончания Гражданской войны и поражения социалистических рабочих движений в ряде стран Европы, Россия оказалась в трагическом, и, по признанию самого Ленина, *безвыходном* положении. Строительство социализма в одной, к тому же относительно отсталой стране с преобладанием малограмотного крестьянского населения — это утопия. *Демократическое* направление движения можно было сохранить только ценой возвращения к старому социал-демократическому плану демократического капитализма.

Но возможно ли было такое возвращение? Сколько бы мы ни дискутировали по этому вопросу, факт остается несомненным — в реальной истории России XX века такого возвращения не произошло: самотермидоризации революционной партии, о необходимости которой по некоторым свидетельствам говорил Ленин, помешали, очевидно, весьма веские причины как объективного, так и субъективного свойства.

В результате ряда серьезных социальных потрясений, таких как массовая насильственная коллективизация, в России установился странный социализм, во многом напоминающий старые азиатские деспотии. Плеханов оказался прав.

И в то же время не прав. Во-первых, потому не прав, что российская буржуазия не поддержала демократических крестьянских движений и требований. Напротив, заключила сделку с бюрократическим царским аппаратом против крестьянства. Во-вторых, потому что «странный социализм» в России не был повторением азиатского деспотизма, хотя имел несомненные черты сходства с ним. Благодаря этому странному социализму Запад в целом сдвинулся влево, проведя ряд эффективных экономических реформ, породивших так называемый «шведский социализм», социально ориентированную экономику классового партнерства и так далее. Пусть не произошла мировая революция, подчеркивал Лифшиц, зато осуществилась мировая реформа.

Выходит, прав был Ленин?

Нет, и Ленин, кажется, тоже не был прав. Ведь начавшийся в октябре 1917 г. социальный эксперимент закончился катастрофически, принесся неисчислимые бедствия российскому народу. Модернизация экономики России, столь бурно начавшаяся в тридцатые годы, в итоге, несмотря на ряд бесспорных достижений, вернула Россию к концу XX века в ряд зависимых от мирового капитала стран, она оказалась сырьевым придатком Запада. Кроме того, опыт странного «народовластия» советского периода не сделал российское население способным к самоорганизации и самоуправлению, — оно совершенно бессильно как против государственной бюрократической машины, так и против любого мелкого хозяйчика. В России практически сложился капитализм бандитский, непроеизводительный и в строгом смысле слова его трудно назвать капитализмом.

Но цель нашего исследования — не социально-экономическая история России, а опыт ее культуры и роль в этой культуре того, что выше мы рассматривали под именем «архаической крестьянской демократии». Какова же эта роль?

За ответом на этот вопрос для начала обратимся к свидетелю — участнику крестьянского движения на стороне красных, а он старается смотреть на это движение беспристрастно, как бы со стороны. А затем мы предоставим право голоса другому свидетелю, столь же честному, но далеко не беспристрастному, нарисовавшему на восставшего бывшего раба злую и яркую карикатуру. Однако художественный образ, в отличие от авангардистской аллегии, есть не апологетика порочного круга, не воспевание безвыходности, он всегда, даже если рисует безвыходную ситуацию, содержит в себе, как картина Тициана, выход. Такова природа мира, в котором мы живем, такова суть художественной изобразительности. Искусство, согласно Гегелю, лечит рану, которую дух в своем развитии наносит самому себе. Иначе говоря, эйдос может постоять за себя в мире призраков, согласно идее Платона, Гегеля и Маркса — прямо противоположной философии тотального Ничто Ницше, Делёза, Хайдеггера, Адорно. Так что же говорит по этому поводу российское искусство XX века?

Свидетельские показания.

«Чапаев» Д. Фурманова

«Чапаев» (1923) Дмитрия Андреевича Фурманова (1891—1926) — произведение простое, без особых стилистических и интеллектуальных красот. Но в нем мы сегодня можем найти важные свидетельские показания очевидца и участника гражданской войны в споре Ленина с Плехановым по аграрному вопросу, а затем и с меньшевиками (хотя ни слова об этом споре в «Чапаеве» не сказано).

Жанр «Чапаева» трудно определить. То ли это документальные очерки с элементами художественного вымысла, то ли повесть, а может быть и роман новой советской эпохи. Опубликован «Чапаев» первоначально под настоящей фамилией автора — Фурман (фамилия эта не еврейская и не немецкая, а русская, как доказывает один из исследователей; происходил Дмитрий Андреевич из русской крестьянской семьи). Закончил в 1915 году филологический факультет Московского университета. Был участником Первой мировой войны в чине прапорщика, познакомился с сестрой милосердия Анной Стешенко, которая стала его женой (мы ее найдем и в «Чапаеве» под собственным именем). Примыкал к эсерам-максималистам, затем к анархистам, в 1918 году стал членом партии большевиков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. «Триумф симулякров» и идея «Tertium datur» русской культуры XX века	5
Реальность призраков и призрачность реального («извилистый круг» Жюль Делёза)	5
Цикл, порочный круг и разрыв его (идея классика на примере «Аллегории Благоразумия» Тициана)	17
Глава первая. Завязка фабулы	29
Пролог «на небесах». Спор Ленина с Плехановым по аграрному вопросу в 1905 г.	29
Свидетельские показания. «Чапаев» Д. Фурманова	47
Глава вторая. Постмодернизм, М. Булгаков и «квартирный вопрос»	69
«Собачья радость» («бернарство»)	72
«Подобие разностей и разница подобий»	100
Реальность трансцендентального, его сила и слабость	105
Логоцентризм — отрицание идеального начала бытия	114
Мир, обретающий голос (справедливость понимающая), и богооставленный мир (справедливость карающая)	123
Трансцендентальное и реальное как проблема истории (Иешуа и Понтий Пилат)	129
Аристофановская веселость	138
Бог и Сатана (Иешуа и Воланд)	144
Дом Иешуа	159
«Узоры, которые лепит время...»	166
Финал или пролог? («Седьмое доказательство» Воланда)...	174
Глава третья. Трагедия и классика (М. Нестеров, П. Кончаловский, О. Мандельштам)	195
Человек 30-х годов. Портреты М. Нестерова	197
«...Пишется — казнь, а читается правильно — песнь». Трагическая тема в искусстве П. Кончаловского и О. Мандельштама 30-х годов	229

Глава четвертая. Литературная дискуссия 1939—1940 гг. как поворотный пункт в духовной жизни Советской России	258
Два поколения в одном	258
Полемика о творчестве А. Платонова: вчера и сегодня	262
Спор о Гоголе: вчера и сегодня	272
«Народность» — «вещь в себе» 30-х годов	278
Начало дискуссии: «действительность» и «бездомность»	285
Достоевский: отталкивание от совершенства, истины	290
«Ветошка имеет тенденцию превратиться в удавку»	308
«Такие чудеса бывают иногда в области философии» (Дело о диссертации, 1944—1973 гг.)	316
Справедлива ли история?	333
«Гносеологизм» Лифшица — Лукача	341
«Вторичный» консерватизм — разрыв порочного круга	354
«Restauratio Magna» против «Restitutio in integrum»	371
Глава пятая. Где сходятся параллельные линии? Линейная перспектива Возрождения и фабула истории (А. Твардовский, В. Александров и М. Кураев)	395
Рождение фабулы («Тайная вечеря» Леонардо да Винчи)	395
Первое схождение «параллельных линий» (проблема артистизма в литературной критике В. Б. Александрова)	405
Философско-лирическое отступление: «жернова истории» (две демонстрации)	446
Проблема истины, бытия и субъекта у Хайдеггера, Флоренского и традиция гуманизма в отечественной эстетике XX века	453
Линейная перспектива и правда зрения как «истинная середина» субъекта и объекта	474
Кульбиты Уленшпигеля и абсолютный слух «Ленинградки»	486
Глава шестая. Жак Деррида и Мих. Лифшиц: две концепции «щели»	502
Энди Уорхол и Аркадий Пластов. Феномен modernity и «современного искусства»	502
Логика Жака Деррида (fort-da) и «новая познавательная перспектива» его философии	507
XX век: ситуация «между»	514
Лукач, Хайдеггер, Деррида и «течение» 30-х годов: проблема объективации	529
Знак, отражение, «восполнительность»	536

Этос «неподкупного» мышления: «строгость вкуса» и «непреклонная борьба с доксой»	546
Хора: область «между» — бездомность или порождающий хаос?	549
Негодяи, «разорванное сознание» и философское понятие материи	558
Можно ли дополнить бесконечное? Культура как «дополнение» к природе	566
Порочный круг классической теории подражания	583
Tertium datur искусства — «место» (хора) разрыва порочного круга истории	605
Заключение. Метод различания и проблема понимания	616

